

К.В. Чугунов

(Россия, Санкт-Петербург, Государственный Эрмитаж)

Культурные связи населения Тувы в раннескифское время
(по материалам кургана Аржан-2)

Анализ материалов из погребально-поминального комплекса Аржан-2 позволяет наметить два основных направления культурных контактов – юго-восточное и западное. Обширная коллекция элитного памятника алды-бельской культуры включает находки, впервые обнаруженные на территории Тувы. Специфика некоторых из них и аналогии в памятниках отдалённых регионов демонстрируют связи населения, характер которых может быть в каждом случае различен.

Прежде всего, определённые контакты выявляются при рассмотрении декоративно-прикладного искусства, хотя трасологическое исследование найденных ювелирных изделий показало, что большинство предметов было изготовлено специально для погребального наряда «царя» и «царицы» на месте похорон [8, с.44; 21, с.184]. Однако Р.С. Минасян не согласен с Б. Армбрустер в реконструкции некоторых технологических приёмов производства и декорирования аржанских предметов. В частности, украшение железного оружия из основного погребения, по его мнению, было произведено не инкрустацией, а аппликацией. С этим следует согласиться, так как, помимо трасологических наблюдений, на этот способ декора указывают зафиксированные химиками следы клея под золотой пластиной на лезвии женского кинжала. Несколько расходятся мнения трасологов и в оценке возможности производства аржанских шедевров кочевниками. Реконструируя многоплановость и сложность древних технологических приёмов, немецкая исследовательница привлекает этнографические параллели и допускает мобильность мастеров-ювелиров внутри кочевой культуры [21, с. 195]. Р.С. Минасян осторожно выражает сомнение в возможности производства некоторых шедевров кочевниками и предполагает их производство мастерами, прошедшими хорошую ювелирную школу [8, с. 44]. Последнее касается, в основном, филигранных изделий, выполненных с применением тонкой пайки. Но и мельчайший бисер разных форм [23, taf. 34], сплошь покрывавший штаны погребённого «царя», также едва ли мог быть произведён кочевниками. Общий вес этих украшений, выполненных из проткнутых насквозь золотых шариков или тонко нарезанных трубочек, составляет почти 2 кг! Изготовление такого количества изделий, каждое из которых имеет диаметр около 1 мм,

требует отлаженной работы коллектива ремесленников, обладающих профессиональными навыками тонкой ювелирной работы.

Автором высказано предположение, что в изготовлении некоторых групп изделий принимали участие мастера из оседлых культурных центров, работавшие специально для кочевых вождей по их заказу [18]. Возможно, что один из них – княжества Восточного Чжоу, где встречается орнамент, похожий на аниконические аппликации на клинке акинака [16]. Подобные мотивы известны на изделиях китайских металлургов и ювелиров, начиная с раннего периода Чуньцу, то есть примерно с VII в. до н.э. [15, рис. 5-32: 11]. В китайской историографии такой декор имеет особое название, которое переводится как орнамент в виде облаков. При этом отметим, что сам акинак по своим морфологическим признакам соответствует клинковому оружию, распространенному в раннескифское время на территории Казахстана и Южного Зауралья. Возможно, что мастер, прошедший китайскую школу торевтики, принимал участие и в декорировании других предметов, выполненных в орнаментальной манере. В связи с этим показательно, что пекторали, типичные для алды-бельских памятников, встречены в трёх комплексах могильника Юйхуанмяо около Пекина. Там же найдены наборные пояса с бронзовыми обоями, аналогичными золотым из Аржана-2 [19, с. 867, рис. 561-2-4; с. 1232, рис. 722-13, 14] (Табл.-1-3, 6-8). Судя по типу уздечных комплектов, этот памятник датируется несколько позже Аржана-2, вероятно первой половиной VI в. до н.э. Во Внутренней Монголии, в более раннем памятнике Сяохэйшигоу найдены бронзовые сосуды, сопоставимые по типу с небольшой чашечкой с горизонтальной петлевидной ручкой из основного погребения Аржана-2 [13, с. 373, рис. 303-2; с. 396, рис. 320-3; с. 401, рис. 323-4]. Эти аналогии едва ли случайны, вероятно, свидетельствуют о связях двух отдалённых территорий.

Однако в памятниках начала I тыс. до н.э. на территории Китая практически неизвестны ювелирные изделия с использованием зерни. Традиция грануляции, конечно, могла быть заимствована кочевниками и даже воспроизводиться ими, так как среди них были высококлассные литейщики. Тем не менее, происхождение этой технологии едва ли может быть связано с культурой номадов. Нагляднее всего это демонстрирует самая распространённая категория так декорированных изделий – серьги с припаянным конусом и подвесами к нему. В захоронениях кургана найдена серия из десяти серёжек такого типа. Эти изделия можно считать своеобразным культурным «маркером» алды-бельской культуры Тувы и племен Алтая раннескифского времени, так как в памятниках этого региона обнаружено уже около трёх десятков таких украшений. Западнее, на территории Казахстана и далее, найдено пока всего несколько экземпляров. Находки этих украшений со следами грубой починки [23, taf. 110-1] свидетельствуют об отсутствии навыков тонкой

пайки у людей, их носивших. Кроме того, присутствие в коллекции Аржана-2 изделия из могилы 20 [23, taf. 110-2], больше похожего на кустарное подражание мастерски выполненным серёжкам из других комплексов памятника, может указывать на изготовление их в какой-то довольно удалённой и не всегда доступной мастерской.

Е.В. Переводчикова поддержала гипотезу о не кочевническом производстве некоторых изделий из Аржана-2, добавив к ним предметы, дополненные эмалевыми вставками [9, с. 157]. Это предположение верно лишь отчасти, так как едва ли нужно отказывать кочевникам в умении производить простейшее стекло. В то же время, эмаль, использованная в оформлении филигранных украшений для имитации бирюзовых вставок, возможно, говорит об отсутствии необходимого материала у ювелиров, выполняющих заказ далеко от источников сырья. Можно предположить, что бирюзу добывали в месторождениях на территории Южного Казахстана или Кызылкумов – ближайших из известных в древности, но не исключено, что поставка поделочных камней шла также из Нишапурского месторождения. Изделия из Аржана-2 не имеют вставок из бирюзы, однако из этого камня здесь сделаны многочисленные бусы и подвески, которые могли доставлять в готовом виде.

Регион, где филигранные изделия представлены широко – современная территория Казахстана. Здесь открыты несколько комплексов, демонстрирующих ювелирное искусство высочайшего класса. Прежде всего, это Жалаулинский клад [12], дата большинства предметов из которого едва ли может быть более поздней, чем у Аржана-2. Из набора вещей, составляющих его, можно достаточно уверенно выделить роскошные украшения конской сбруи, выполненные с применением техники грануляции и инкрустированные камнями. Вероятно, все они являются одним набором, созданным в едином стиле для парадного убранства одной лошади. На это указывают восемь распределителей, четыре из которых могли использоваться на оголовье, и четыре – на ремнях двойного нагрудника, отходящих от широкого ремня подпруги. Назначение фрагмента наконечника ремня в этом комплекте указать затруднительно, а вот так называемое короновидное украшение можно определить по аналогии с материалами Аржана-2 как украшение гривы или оголовья коня. Оно, конечно, массивнее и чуть больших размеров, но имеет такую же форму, как и пластины, найденные на черепах у всех 14 лошадей. Остальные изделия из клада могут относиться к украшениям портупейного ремня (обоймы в виде оленя), пояса и костюма. Нашивки со сценой терзания кошачьим хищником антилопы, изготовленные в технике басмы, сопоставимы с трактовкой этих животных в искусстве Аржана-2. Особенно примечательна полусвёрнутая поза хищника, характерная для комплекса тувинского кургана. Такая

специфическая иконография известна и западнее, вплоть до памятников Восточного Приаралья. Реминисценции этой иконографической схемы Ю.Б. Полидович прослеживает и далее, в несколько более поздних памятниках Причерноморья [10, с. 220-222, рис. 2]. Кроме этих образов, искусство кочевников Казахстана и Тувы сближают сложные орнаментальные мотивы и особенности проработки и моделировки фигур изображаемых зверей [18, с. 99-101]. Так, оформление тела животного клювовидными фигурами является особенностью практически всех изображенных образов в Жалаулинском кладе. В Аржане-2 эта деталь присутствует на резных фигурах шпилек и некоторых других изделиях. Кроме того, очень важно, что этот элемент присутствует на петроглифическом изображении оленя на одной из плит, синхронной памятнику [17, с. 64, плита 7/02]. Это позволяет утверждать, что мастер-носитель такой традиции присутствовал при сооружении кургана. Замечу, также, что образ быка-зебу, вырезанный на шпильке (табл.-5), также демонстрирует знакомство ювелира с этим животным, неизвестным в Туве.

Открытие в 2010 г. А.З. Бейсеновым в могильнике Талды-2 богатейших комплексов раннескифского времени, включает в ареал изделий, выполненных в технике грануляции, Центральный Казахстан [1, с. 77-79]. Ранее из такого рода находок здесь были обнаружены только серьги алды-бельского типа в могильнике Жиланды [7, с. 44, рис. 12]. Однако на этой территории зафиксирован другой редкий технологический приём. В классическом памятнике тасмолинской культуры – могильнике Тасмола V – давно известны изделия из железа, украшенные золотом. Это псалии и бляшки от украшений узды из курганов 3 и 6 [6, с. 325, 333]. Технологически и стилистически они соответствуют апплицированным золотом предметам вооружения из Аржана-2. Отметим, что при публикации этих находок М.К. Кадырбаев обратил внимание на следы обработки железа в слоях предскифского времени городища Дальверзин в Фергане [6, с. 383], то есть предполагал наличие оседлого центра, обслуживавшего кочевников.

В рамках исследуемой проблемы, интерес вызывает конструкция плоских дужек двух серёжек из Южного Приаралья, состоящих из спаянных витых проволок [20, с. 32, рис. 7:7, 19:11]. Плоские дужки имели серьги женщины из основной могилы Аржана-2, но изготовлены они гораздо более сложным способом. Они сделаны из расплющенной трубки, спаянной из рядов тонких круглых и скрученных вдвое проволочек, уложенных в геометрический узор. Обе дужки отрублены от одной трубки. Пайка, несмотря на чрезвычайную сложность технической задачи, выполнена безукоризненно чисто, что не характерно для кочевнического производства [8, с. 43]. Серьги из могильников Сакар-Чаги производились на месте, о чём свидетельствуют находки следов их производства на поселении Куюсай [3, с. 17, 18, табл. XIa]. В связи с этим показательно, что в основном

погребении Аржана-2 найден каменный жертвенник клювовидной формы [23, taf. 83-5] (Табл.-4). Каменные изделия такой формы так же характерны для памятников Приаралья (Табл.-9), как серьги с припаянным конусом для алды-бельской культуры Тувы. Подавляющее большинство их найдено в раннесакских комплексах Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи и только несколько штук за пределами этого ареала. Экземпляр из Аржана-2 – самая восточная находка жертвенников такого типа. На мой взгляд, ритуальный сосуд особой формы показывает гораздо более тесные связи между регионами, обусловленные не только общим сходством раннекочевнического комплекса на огромных пространствах ареала степных культур, но и непосредственными контактами их носителей.

Возможно, мастерские, обслуживавшие кочевнических вождей, следует искать на городищах архаического Хорезма, на что косвенно указывает находка золотой бляшки в виде головы джейрана в Кюзели-Гыре [4, с. 165, рис. 7: 1]. Как считают О.А. Вишневская и Ю.А. Раппопорт [4, с. 171], культура архаического Хорезма возникла на основе раннесакского компонента, находящегося в тесном контакте с земледельческими цивилизациями Маргианы, где традиции ювелирного искусства имеют очень глубокие корни. На возможность удревнения нижней даты кюзелигырской культуры сейчас указывают многие разработки [2].

Ещё один пласт находок указывает на непосредственные контакты населения Тувы с далёкими западными регионами. В основном захоронении Аржана-2 найдены остатки плодов и семян растений, большинство из которых определено и является привозными [24, с. 242-248]. Ближайшие к Туве границы ареала произрастания этих растений находится в юго-западном Казахстане (сыть круглая), юго-западной Сибири и северо-восточном Казахстане (карликовая вишня), западном Тянь-Шане (черёмуха-антипка) и Ближнем Востоке (кориандр). Представляется, что эти растительные продукты также могли доставляться через посредничество какого-то земледельческого центра, расположенного где-то на южной границе ареала кочевых культур.

Не исключено, что впоследствии будут выявлены неизвестные пока культурыномадов в горно-степных долинах Северной Индии и Пакистана, которые транслировали на север продукцию и технологические достижения древнеиндийских земледельцев и ремесленников. На связи с этими областями указывает значительное количество орнаментированных сердоликовых бус и находка огромной золотой гривны в Паттане [25], которая типологически и стилистически сходна с гривной из Аржана-2. Упомянутое изображение быка-зебу на шпильке (Табл.-5), ареал дикого обитания которого ограничен территорией Индии, возможно, также свидетельствует о непосредственных контактах с

мастерами из этих регионов. Впрочем, не исключено, что все эти контакты происходили при посредничестве племён Казахстана.

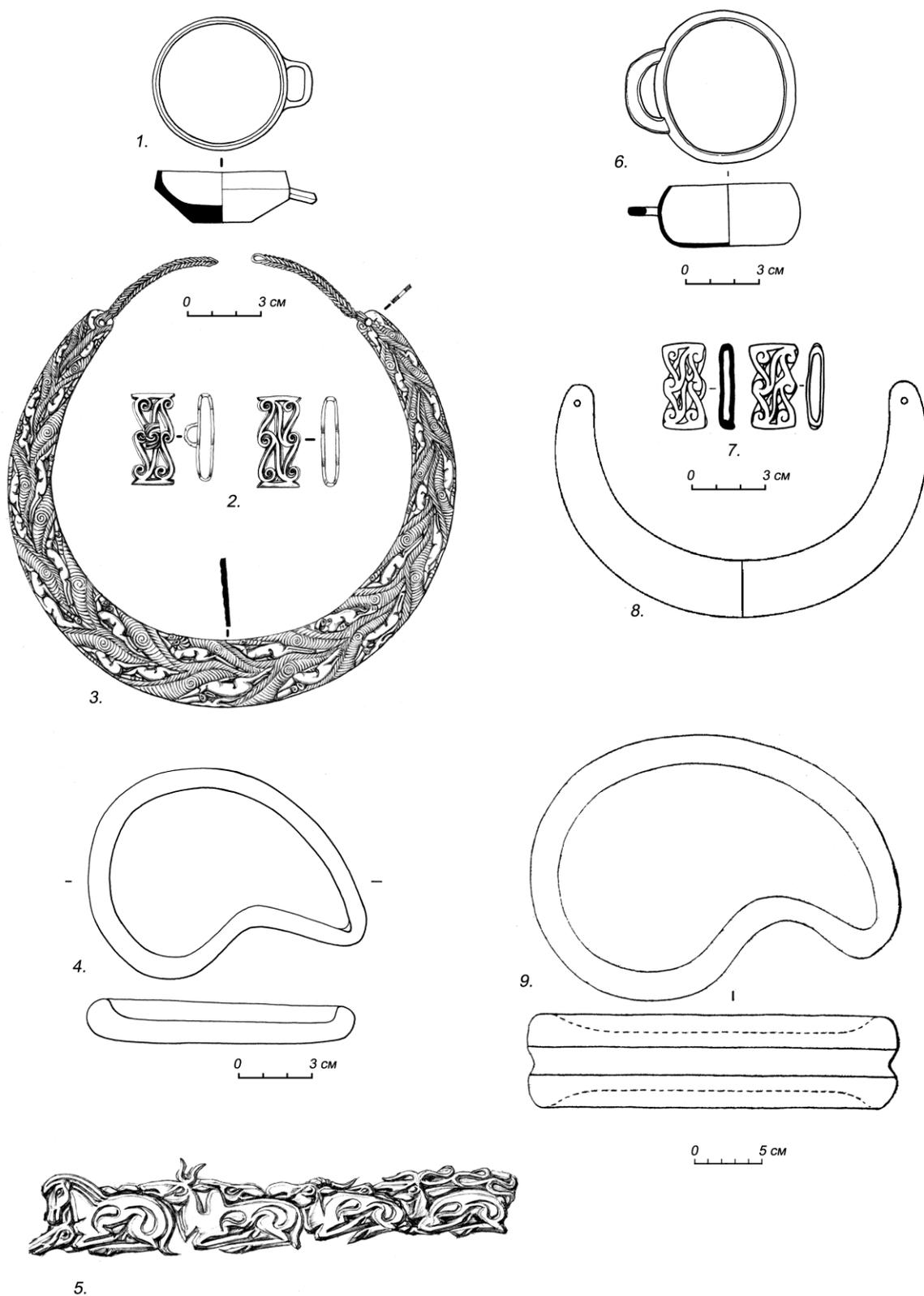
В рамках небольшой статьи могут быть затронуты лишь отдельные аспекты контактов населения Тувы в раннескифское время. Они намечены лишь пунктирно и требуют дальнейших углублённых исследований. Юго-восточные связи, выявленные на основе анализа археологического материала, хорошо согласуются с антропологическими исследованиями скелетов из Аржана-2. Не исключено, что наибольшая из всех серий скифского времени монголоидность погребённых в «царском» кургане [14; 22, с. 270], может быть объяснена гораздо более тесными, чем считалось ранее, контактами населения Тувы с племенами, обитавшими на границе княжеств эпохи Чжоу. Многочисленные западные параллели, неоднократно отмечаемые предыдущими исследованиями [11], сейчас могут быть объяснены непосредственными перемещениями носителей различных, но родственных, археологических кочевых культур. Эти контакты, помимо других причин, были связаны с получением из оседлых земледельческих центров предметов роскоши для кочевой элиты, а иногда и самих мастеров. При этом сейчас становится очевидной ведущая роль казахстанско-среднеазиатского региона, который, с одной стороны, близок к очагам древнеземледельческих культур на юго-западе, с другой – находился на древнейшем пути, связывавшими степь с цивилизацией Древнего Китая. Элитарные могильники Семиречья и Восточного Казахстана, не смотря на тотальное ограбление, донесли до нас множество великолепных произведений древнего искусства. Однако их хронологическое соотношение со статусно близкими памятниками Тувы требует дополнительной научной разработки. Пока можно только предположить, что курганы Чиликты, по-видимому, расположены на хронологической шкале до времени возведения Аржана-2, а некрополи Бесшатыра, вероятно, могут быть синхронизированы с древнейшим пластом кочевых культур – временем Аржана-1.

Список литературы:

1. Бейсенов А.З. К изучению особенностей крупных курганов раннего железного века Центрального Казахстана // Кадырбаевские чтения – 2010. Материалы II межд. науч. конф. Актобе, 2010. С. 77 – 79.
2. Болелов С. К вопросу о периодизации раннего этапа истории древнего Хорезма // Transoxiana. Ташкент, 2004. С. 48 – 55.
3. Вайнберг Б.И. Памятники куюсайской культуры // Кочевники на границах Хорезма. Труды ХАЭЭ, XI. М., 1979. С. 7 – 52.

4. Вишневская О.А., Раппопорт Ю.А. Городище Кюзели-Гыр. К вопросу о раннем этапе истории Хорезма. ВДИ (2), 1997. С. 150 – 173.
5. Итина М.А., Яблонский Л.Т. Саки Нижней Сырдарьи (по материалам могильника Южный Тагискен). М.: РОССПЭН, 1997. 187 с.
6. Кадырбаев М.К. Памятники тасмолинской культуры // Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966. С. 302 – 402.
7. Кадырбаев М.К. Могильник Жиланды на реке Нуре // В глубь веков. Алма-Ата, 1974. С. 25 – 45.
8. Минасян Р.С. Секреты скифских ювелиров // Аржан. Источник в долине царей. СПб: «Славия», 2004. С. 40 – 44.
9. Переводчикова Е.В. О различных формах диалога искусства степи и цивилизаций: к постановке вопроса // Скифские интерпретации. Stratum-plus № 3. 2005 – 2009. СПб, Кишинёв, Одесса, Бухарест, 2009. С. 155 – 161.
10. Полидович Ю.Б. Находки в тувинском кургане Аржан-2 и «звериный стиль» Северного Причерноморья: поиск соответствий // Древние культуры Евразии. СПб: «Инфо-ол», 2010. С. 217 – 224.
11. Савинов Д.Г. Ранние кочевники Верхнего Енисея (археологические культуры и культурогенез). СПб: Изд-во СПбГУ, 2002. 203 с.
12. Самашев З., Григорьев Ф., Жумабекова Г. Древности Алматы. Алматы, 2005, 184 с.
13. Сяохэйшигоу: сяцзяцзянь шан цэн вэньхуа чужи фацзюэ баогао / Нэймэнгу цзичжицю вэньу каогу яньцзюсо, Нинчэн сянь Ляо Чжун цзин Боугуань (Сяохэйшигоу: отчет о раскопках поселения культуры Верхнего слоя Сяцзядянь / Институт археологии Автономного р-на Внутренняя Монголия, Музей Средней столицы Ляо уезда Нинчэн) – сост. Пекин: Кэсюэ чубаньшэ, 2009. 488 с., илл.
14. Чикишева Т.А. К вопросу о формировании антропологического состава ранних кочевников Тувы // Археология, этнография и антропология Евразии. 2008. № 4 (36). С. 120 – 139.
15. Чжу Фэнхань. Гудай Чжунго цинтун ци (Бронзовые изделия древнего Китая). Тяньцзин, 1995.
16. Чугунов К.В. Кинжал-акинак из кургана Аржан-2 // Сообщения Государственного Эрмитажа, 62. СПб, 2004. С. 72 – 74.
17. Чугунов К.В. Плиты с петроглифами в комплексе кургана Аржан-2 (к хронологии аржано-майэмирского стиля) // Тропой тысячелетий: К юбилею М.А. Дэвлет. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2008. С. 53 – 69

18. Чугунов К.В. Некоторые особенности искусства кургана Аржан 2 // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. II. – М.: ИА РАН, 2008. С. 98 – 101.
19. Цзюньдушань муди – Юйхуанмяо / Бэйцзин ши вэньу яньцзюсо – бьяньчжу (Могильники [в горах] Цзюньдушань – Юйхуанмяо / НИИ культурного наследия Пекина – сост.) Пекин: Вэньу чубаньшэ, 2007. В 4-х тт.
20. Яблонский Л.Т. Саки Южного Приаралья (археология и антропология могильников). М.: ИА РАН, 1996. 185 с.
21. Armbruster B. Technologische Aspekte der Goldschmiedekunst aus Aržan 2 // Čugunov K., Parzinger H., Nagler A. Der skythenzeitliche Fürstenkurgan Aržan 2 in Tuva. Archäologie in Eurasien 26. Steppenvölker Eurasiens 3. Mainz: Verlag Philipp von Zabern, 2010. S. 183 – 199.
22. Čikiševa T.A. Die paläoanthropologischen Materialien // Čugunov K., Parzinger H., Nagler A. Der skythenzeitliche Fürstenkurgan Aržan 2 in Tuva. Archäologie in Eurasien 26. Steppenvölker Eurasiens 3. Mainz: Verlag Philipp von Zabern, 2010. S. 256 – 302.
23. Čugunov K., Parzinger H., Nagler A. Der skythenzeitliche Fürstenkurgan Aržan 2 in Tuva. Archäologie in Eurasien 26. Steppenvölker Eurasiens 3. Mainz: Verlag Philipp von Zabern, 2010. 330 S., 289 Abb., 153 Taf.
24. Neef R. Die Pflanzenreste // Čugunov K., Parzinger H., Nagler A. Der skythenzeitliche Fürstenkurgan Aržan 2 in Tuva. Archäologie in Eurasien 26. Steppenvölker Eurasiens 3. Mainz: Verlag Philipp von Zabern, 2010. S. 242 – 249.
25. Rahaman S. Unique find of Gold Ornaments from Pattan (Kohistan) // Journal of Central Asia, Vol.XIII, No. 1, July, 1990.

1, 6: сосуды; 2, 7: поясные обоймы; 3, 8: пекторали; 4, 9: жертвенники; 5: фрагмент развёртки изображений на стержне шпильки.

1, 6, 7 – бронза; 2, 3, 5, 8 – золото; 4, 9 – камень.

1 – 5: Аржан-2, могила 5 [23]; 6 – Сяохэйшигоу, М9601 [13]; 7 – Юйхуанмяо, М230, М95 [19]; 8 – Юйхуанмяо, М174 [19]; 9 – Южный Тагискен, к. 66 [5].